

И.В. Починская

ИЗ ИСТОРИИ ВВЕДЕНИЯ ЕДИНОВЕРИЯ В РОССИИ: НОВЫЙ ИСТОЧНИК О ПРОЦЕССЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ С ОФИЦИАЛЬНОЙ ЦЕРКОВЬЮ СТАРОДУБСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта № 33.2182.2017/4.6. («Формирование русской культурно-религиозной идентичности: памятники традиционной письменности как символические коды культурной памяти») госзадания МО РФ научным коллективам исследовательских центров и (или) научных лабораторий образовательных организаций высшего образования на 2017–2019 гг.

Вводится в научный оборот новый документ по истории обращения старообрядцев в единоверие. Он содержит информацию о старообрядцах слободы Добрянка Черниговской губернии, отказавшихся перейти в единоверие. За это они были осуждены на каторгу и ссылку в разные отдаленные места Российской империи. Двое из осужденных отбывали наказание в Омском остроге вместе с Ф.М. Достоевским. Анализируемый в статье документ представляет собой письмо родственников возможному прототипу литературного героя одного из сочинений писателя.

Ключевые слова: Россия; старообрядчество; единоверие; Стародубье; Достоевский.

Борьба российских властей со старообрядчеством, возникшим во второй половине XVII в., на протяжении истории имела самые разнообразные формы: силовое давление, экономические меры, методы убеждения путем открытых дискуссий и т.д. Важнейшим церковно-государственным проектом, направленным на постепенную ликвидацию старообрядчества, стало создание единоверческой церкви, в основе которой лежало подчинение старообрядцев Синоду с сохранением их обрядовой практики. Этот проект получил официальное оформление в самом начале XIX в. [1, 2].

Вторая четверть XIX в. для русского старообрядчества прошла под знаком активных действий властей по его обращению в единоверие. Это обращение происходило принудительно или добровольно-принудительно в силу создания условий, не оставлявших старообрядцам выбора. Степень жесткости мер зависела от объективных и субъективных обстоятельств, складывавшихся в разных регионах империи: например, с применением военной силы, как на Иргизе (старообрядческие монастыри в Поволжье), или давления, в первую очередь экономического, как на Вятке и на Урале.

В 1840-е гг. власти начали процесс обращения в единоверие населения одного из крупнейших старообрядческих центров, ветковско-стародубского, который возник в конце XVII в. на границе России и Речи Посполитой. Российскую часть этого центра составляли старообрядческие слободы, расположенные преимущественно на территории Стародубского полка Запорожского войска. Из записок миссионера Т.А. Верховского следует, что этот процесс обращения старообрядцев в единоверие проходил мирным путем, выразившимся в массовом добровольном переходе с единичными выражениями несогласия. Однако обнаруженный мной документ заставил внимательнее посмотреть на события, происходившие на западных территориях Российской империи, а именно в слободе Добрянка Городнянского уезда Черниговской губернии.

Первый этап обращения добрянских старообрядцев в единоверие начался в мае – августе 1845 г. Непосредственным поводом к этому стало личное

распоряжение Николая I. В мае 1845 г. следуя из Киева в Петербург, он посетил Добрянку, где на теплую встречу старообрядцевотреагировал крайне резко. В ответ на поднесенные хлеб-соль император заявил: «Не хочу я вашего хлеба-соли, вы не верноподданные мои! Вы не ходите в церковь Богу молиться. <...> Я вольничать вам не позволю! Я выстрою вам церковь, и приеду Богу молиться, и когда вы пойдете в нее и будете со мною молиться, тогда я и приму от вас хлеб-соль; слышите ли, вольничать не позволю» [3. С. 4–5]. Так передает речь царя Верховский.

Естественно, эти слова государя были восприняты властями всех уровней как прямое указание к действию. Синод принял решение строить в Добрянке единоверческую церковь, был выбран одобренный царем миссионер для обращения местных старообрядцев в единоверие. Выбор пал на единоверческого священника Т. Верховского, который с 1822 по 1827 г. служил в одном из первых единоверческих монастырей Черниговской губернии, Троицком женском [4. С. 84]. В записках о деятельности в Стародубье он с гордостью рассказывает об успехах своих бесед со старообрядцами, в частности о добрянцах писал следующее: «Впечатление, произведенное на них беседою, было в мою пользу; я это ясно видел; оставалось ждать результатов этого впечатления» [Там же. С. 53].

Из дальнейшего рассказа миссионера следует, что все население Добрянки, за исключением девяти человек, добровольно согласилось принять единоверие. 29 августа, во время приезда Николая I на освящение единоверческой церкви ему сообщили об этих несогласных. Царь велел отправить их в Чугуев, где он остановился. Местный исправник распорядился этапировать старообрядцев на следующее же утро после приезда государя. Как пишет Верховский, на их проводы вышли все жители, которые «смотрели на них, как на исповедников и мучеников веры ради; старались облобызывать их, и призывали на них помощь Божию, чтобы они могли с радостью перенести Христа ради разлучение со своими семействами, благодушно претерпеть страдания за веру и сподобиться мученических венцов. Даже те, которых я расположил уже

принять единоверие, встревожились до последней степени, роптали и негодовали...» [3. С. 87].

Родственники арестованных своими «воплями и рыданиями» еще больше накаляли обстановку и доводили ситуацию до трагизма. Если к этому добавить еще замечание миссионера о том, что «После службы к государю подошел уставщик Рождественской церкви Чесноков и попросил его не лишать их церквей, которые у них есть и не строить новых» [Там же. С. 81], то не складывается впечатление, что добрянцы легко согласились на принятие единоверия.

Отправленные в Чугуев старообрядцы Добрянки во время встречи с царем обещали ему ходить в единоверческую церковь и, будучи проинформирован о реакции жителей слободы на арест земляков, Николай велел их отпустить [Там же. С. 55–57 втор. счет]. Однако по возвращении домой старообрядцы не только сами не стали ходить в новую церковь, но и отговаривали других от этих посещений. В течение двух лет они были «ядром оппозиции» в Добрянке. В сентябре 1847 г. их снова арестовали и отправили в Черниговский острог [Там же. С. 49 трет. счет.]. Как и в первый раз, эта отправка из Добрянки состоялась днем при большом стечении народа, сопровождалась такими же возмущениями и стенаниями.

Этим заканчивается рассказ Верховского о группе добрянских старообрядцев, активно сопротивлявшихся обращению в единоверие.

Сведения о дальнейшей судьбе арестованных обнаружилось в книгохранилище Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета. Это копия письма от 28 мая 1851 г. одному из участников протестного движения в тюрьму от его родственников. Копия сопровождается преамбулой и своеобразным заключением переписчика, в которых он кратко излагает обстоятельства, связанные с появлением этого письма. Кто и зачем сделал копию, точно сказать не могу, ясно только одно – это был человек, близко знавший адресата.

Документ, о котором идет речь, представляет собой шестилистовую тетрадь в четвертую долю листа. Бумага без филиграней, по фактуре она может быть отнесена к 50–60-м гг. XIX в. Текст написан полуставом одной руки черными чернилами.

Информация, изложенная в преамбуле, несколько отличается от сообщенной Верховским. Там уточняется, что после первого ареста добрянцы 2 сентября 1845 г. в 11 часов ночи предстали перед царем. После этой встречи царь их отпустил. Далее писец отмечает, что они «жили по домам своим всего 6-ть недель и потом забраны начальством и разныя несносности терпели до двух лет» [5. Л. 1 об.]. Думается, возможно двоякое толкование этой фразы: либо их арестовали еще в конце 1845 г. и они где-то содержались под арестом на родине, либо до 1847 г. сопротивляющихся введению единоверия пытались «вразумить» неоднократными арестами, чередовавшимися с освобождением. Наконец, в 1847 г. был произведен арест, за которым последовало суровое наказание. В этот раз арестовали уже не девять, а восемь человек. Среди них, как отмечено в документе, были и купцы, и мещане посада, которых «без суда и наказания разосла-

ли всех во вся концы по разным местам по крепостям, каждого сия долгая повесть» [5. Л. 2].

Двое из осужденных были сосланы в Омский острог. Они упомянуты в тексте перед письмом. Это Егор Дмитриевич Воронин и Симеон Иванович Щекотихин. Причем указано, что Воронин на момент составления документа находился в крепости, а Щекотихин был переведен на поселение в д. Ачимово Никольской волости Тарского округа Тобольской губернии, ныне это село в Викуловском районе Тюменской области. Необходимо отметить, что эта деревня и ее окрестности относятся к территории, известной как средоточие старообрядчества с XVIII в. И, что интересно, копия письма, о котором идет речь, была обнаружена экспедицией Лаборатории археографических исследований УрГУ в одной из деревень Викуловского района, т.е. оно почти 140 лет хранилось, возможно, потомками человека, которому было адресовано.

А адресовано письмо С.И. Щекотихину. В этом письме передаются слова поддержки заключенному, он превозносится как страдалец за веру, описываются переживания и горе родных в связи с заточением Симеона. В письме перечисляются все родственники, выражающие ему поддержку: мать (Дарья Ивановна), два брата (Михаил и Никита) с женами и детьми, две дочери (Ксения и Мавра) с мужьями и шестью детьми (две Парасковьи, Иоан, Григорий, Лука, Стефан), три сына – Иван, Лука, Василий (сыновья, видимо, не женаты). Переписка была достаточно регулярной. Из письма следует, что первое послание от заключенного родственники получили только 24 марта 1851 г.

Еще пять арестованных добрянцев с указанием мест заключения перечислены после письма. Имя одного из пострадавших за веру оказалось пропущенным. Хотя в начале документа писец обещал ниже назвать имена шестерых. Но к этим пяти вернемся позже, а сейчас об омских седельцах.

Омская крепость изначально была военным поселением с немногочисленным гражданским населением и являлась местом ссылки и каторги. В 1782 г. по административной реформе в Сибири Омская крепость стала уездным городом, но практически ничего не изменилось в жизни Омска [6. С. 41–45]. Он по-прежнему оставался местом заключения. В первой половине XIX в. в ней находился каторжный острог, в котором отбывал заключение Ф.М. Достоевский за участие в деятельности кружка петрашевцев, организации русских социалистов-утопистов, которую возглавлял М.В. Буташевич-Петрашевский. Этот кружок посещало немало видных деятелей русской культуры, среди них начинающий писатель М.Е. Салтыков, поэты А.Н. Майков и А.Н. Плещеев, молодой философ Н.Я. Данилевский и др. Петрашевцы выступали за отмену крепостного права, демократические преобразования, идеалом государственного устройства считали республику. В 1849 г. опасаясь всплеска революционных настроений под влиянием европейской революции, Николай I приказал арестовать Петрашевского и участников его кружка. 21 человек из их числа, среди которых и Ф.М. Достоевский, были приговорены к смертной казни, но в последний момент она была заменена на каторгу [7, 8].

Достоевский пробыл в Омском остроге четыре года, с 1850 по 1854 г. Свои впечатления о пребывании в крепости он описал в «Записках из мертвого дома». Из произведения следует, что Достоевский жил в одной казарме с кем-то из добрянских старообрядцев. В этой казарме было четыре старообрядца, но писатель обратил внимание именно на этого человека. Его имени он не называет, но подробно описывает.

Вот что пишет Федор Михайлович: старообрядец был «из стародубовских слобод, бывших когда-то Ветковцев... старичок лет шестидесяти, маленький, седенький. Он резко поразил меня с первого взгляда. Он так не похож был на других арестантов: что-то до того спокойное и тихое было в его взгляде, что, помню, я с каким-то особенным удовольствием смотрел на его ясные, светлые глаза, окруженные мелкими лучистыми морщинками. Часто говорил я с ним и редко встречал такое доброе, благодушное существо в моей жизни. Прислали его за чрезвычайно важное преступление. Между стародубовскими старообрядцами стали появляться обращенные. Правительство сильно поощряло их и стало употреблять все усилия для дальнейшего обращения и других несогласных. Старик, вместе с другими фанатиками, решился “стоять за веру”, как он выражался. Началась строиться единоверческая церковь, и они сожгли ее. Как один из зачинщиков старик сослан был в каторжную работу. Был он зажиточный, торгующий мещанин; дома оставил жену, детей; но с твердостью пошел в ссылку, потому что в ослеплении своем считал ее “мукою за веру”» [9. С. 33].

Очень похоже описывает старика-старообрядца другой сосед Достоевского по казарме, поляк Ш. Токарежский. Его воспоминания о каторге были написаны позднее романа Достоевского, и в записках польского дворянина явно прослеживается влияние текста писателя. «Нашу большую симпатию и уважение заслужил один 60-летний раскольник, сизый голубь попал на каторгу за сожжение православной церкви, которая была построена недалеко от поселения раскольников. Он переносил каторгу со спокойствием и покорностью истинного мученика. – Не жаловался никогда, молился очень усердно и говорил, что о судьбе жены и детей своих совершенно спокоен, потому что “Высшая Милость” сама могла это сделать. Глядя на худое, ясное лицо этого раскольника, лицо, отмеченное позорным клеймом, иногда нам хотелось плакать, нам, это: Юзику Богуславскому и мне. О своих религиозных убеждениях он не говорил ни с кем, но о поступке, который довел его до каторги, не жалел никогда, и говорил: – Если нужно “веру” защитить, я готов, и церкви сжечь!.. добавлял шепотом, и в это время его ласковые, голубые глаза пылали, а мелкая фигура, сказал бы – вырастала и казалась просто огромной...» (перевод мой. – *И.П.*) [10. С. 164–165].

Любопытна информация о сожжении церкви. Верховский не упоминает о таком случае не только в Добрянке, но и в других стародубских слободах. В «Статейных списках о государственных и политических преступниках, находящихся в Омской крепости», обнаруженных еще в 1960-х гг. исследователями жизни и творчества Ф.М. Достоевского, было найдено имя старообрядца Егора Воронина¹ из Добрянки, где

указано, что он был сослан «по высочайшему повелению», «на бессрочное время» за «неисполнение данного его величеству обещания присоединиться к единоверцам и небытие на священнодействии при бывшей закладке в посаде добрянской новой церкви» [9. С. 282]. Именно этот человек был отождествлен исследователями с героем «Записок из мертвого дома». Возможно, приведенная Токарежским фраза «Если нужно “веру” защитить, я готов, и церковь сжечь!..» или что-то близкое к этому звучало из уст старообрядца. Писатель же превратил его готовность любой ценой отстаивать свою веру в реально совершенное действие, а поляк повторил это.

Достоевский в большей степени рисует психологический портрет старообрядца, в частности сравнивает его с сибирскими, сидевшими с ними. И это сравнение не в пользу сибиряков: «Были у нас в остроге и другие старообрядцы, большею частью сибиряки. Это был сильно развитый народ, хитрые мужики, чрезвычайные начетчики и буквоеды и по своему сильные диалектики; народ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый в высочайшей степени. Совсем другой человек был старик. Начетчик, может быть, больше их, он уклонялся от споров. Характера был в высшей степени сообщительного. Он был весел, часто смеялся – не тем грубым, циничским смехом, каким смеялись каторжные, а ясным, тихим смехом, в котором много было детского простодушия и который как-то особенно шел к сединам» [9. С. 33–34].

Старик пользовался уважением и доверием других заключенных до такой степени, что они отдавали ему на хранение свои деньги: «Знали, что он куда-то прятал врученные ему деньги, но в такое потаенное место, что никому нельзя было их отыскать» [Там же. С. 34].

Как было отмечено выше, старик-старообрядец из романа Достоевского исследователями был отождествлен с Е. Ворониным. Однако, как следует из письма родственников Щекотихину, во второй половине 1850 – начале 1851 г., когда писатель уже находился в Омском остроге, он тоже был там. Поэтому вполне можно предположить, что не Воронин, а Щекотихин был прототипом героя Достоевского. Однако, думаю, это не имеет принципиального значения. Оба добрянских старообрядца имели одинаковые судьбы, общие испытания и наверняка были близки психотипически. Возможно, Достоевский общался с обоими и дал собирательный образ, взяв черты и того и другого.

Остальные арестованные в Добрянке старообрядцы были разосланы отбывать наказание в различные уголки империи. Симеон Демьянович, фамилия которого не названа, и Егор Козин – в Смоленск, Антон Образцов – в «Змайлов» (что такое «Змайлов», трудно сказать, поселений с названием Измайлово в России немало, например, в Рязанской, Костромской, Оренбургской губерниях и др.), Иван Вавильевич (тоже упомянут без фамилии) – в город «Канинск» Красноярской губернии, так назван Канский острог, основанный в 1628 г. в Сибири. Со временем он превратился в село, а в декабре 1822 г. получил статус

окружного города. Положение города со слаборазвитым хозяйством, удаленного от культурных центров, сделало Канск местом ссылки. В конце 1820-х гг. там был выстроен тюремный острог [11].

Наконец, пятый ссылный из перечисленных в заключение после копии письма – Николай Козин, как указано в нашем документе, был отправлен «на Палондонские острова» [5. Л. 6 об.]. Что такое «Палондонские острова», непонятно. Попытки выяснить, какой географический объект скрывается за этим названием, привели меня к выводу, что это, скорее всего, Аландские острова. Принадлежавшие Швеции, они в 1809 г. по Фридрихсгамскому мирному договору вместе с Финляндией отошли к Российской империи. Под руководством военного министра М.Б. Барклая де Толли на одном из островов началось возведение крепости Бомарсунд, которое было приостановлено в связи с войной 1812 г. В 1820 г. посетивший острова великий князь Николай Павлович решил возобновить строительство крепости, но работы начались только в 1830-х гг., продолжались до 1854 г., но не были завершены в связи с открытием северного фронта Англией и Францией, вступивших в коалицию с Османской Турцией во время Крымской войны. В 1856 г. по Парижскому мирному договору Аландские острова получили статус демилитаризованной зоны [12. С. 639–640; 13]. В 1830 – начале 1850-х гг. на эти острова вполне могли отправляться ссылные, в том числе старообрядцы, для строительства крепости.

Таким образом, документ, о котором идет речь, фиксирующий информацию о конкретных персонажах, принадлежит к тем источникам по истории повседневности, на основании совокупности которых формируется целостная картина эпохи. Упомянутые в нем люди, события, факты позволяют воссоздать цепочки взаимосвязей, определяющих своеобразие исторических явлений. Кроме этого, он привлекает внимание потому, что в России крайне мало сохранилось бытовых писем середины XIX в., написанных простыми людьми. Наивно-трогательная, искренняя стилистика письма не позволила пройти мимо него.

Ниже публикуется полный текст письма с сохранением всех грамматических особенностей источника. Знаки препинания расставлены в соответствии с современными требованиями русского языка.

Письмо

Л. 1 Стародубских слобод Черниговской губернии Городничьего уезда жители посада Добрянки христиан старообрядцев, купцов и мещан 8 человек. 6-ти человек помянуты имена в письме ниже. А два 1-й Егор Димитрич Воронин находится и ныне в сей стране в заточении в крепости в Омску. А Симеон Иванов Щекотихин уже определен с крепости к поселению в Никольской волости в деревни Очимовой. И сему Щекотихину от его матери и от // л. 1 об. детей его, и всего роду, и жителей пасада Добрянки, в сем посаде до семи тысяч душ жителей. Прислано письмо Щекотихину. С сего письма писана копия ниже сего. И сии все лица доставляны были царю в 1845 году в город Чугуев и стояли пред царем 21-го сентября к

ночи в 11 часу и за несогласие к единоверческой церкви. И от царя отпущены были в дома свои. А после // л. 2 царя жили по домам своим всего 6-ть недель и потом забраны начальством и разные несносности терпели до двух лет. Все присвоивали к единоверию и потом без суда и наказания разослали всех во вся концы по разным местам по крепостям, каждого сия долгая повесть. Много к сего писать и по сих писать кончаю. А копию с письма присланного начинаю.

Копия

Милостию святых отец // л. 2 об. Г.И.Х.С.Б.И.И.

Посад Добрянка 1851-го года мая 28 дня понедельник. Крест терпения ты последовал. Правды жрец явился. Божии избранник наречется. Во Христа любовь распален бысть. Отец чадам своего благословения послатель Симион Иоанович, сердобольная твоя родительница Дарья Ивановна возлилась горестными слезами после блистательного вашего прочирка, которой удовлетворил сопсвенно всех надеждою // л. 3 о причесловании вашем до означенного места. Незрелая ея очи не могли видеть сего краткого начертания. Прижала стесненно в руки оную хартию, которая была наполнена радосными слезами. По выслушании всех слов вашего благоволения и со опущенною главы твоея к ея стопам к прозбе родительскаго благословения, которая благословляет вас и вручает во век жизни твоея цветущии в горесном положении нерушимо. И тако приветствованием повторяет // л. 3 об. благославляю и буди благословен от руки Господня на добрыя возделания к путям правды. Буди во изобилии житен добраго семя, и благословен венцем благословенным внити в селище святых и водворитися, и многия к сему повторении, и прощает тебе во всем, и благословляет. И Бог благословит ко устройству спасеннаго восприятия. Молитвенницы за тебе Дария. Повсегда в купе и Феодосия. Находясь в горести о твоем положении известныя едино // л. 4 кровные твоя братия Михаила и Никита вкупе и сожительницы их и дети, которая поздравлят тебе с возвитием на божественую далину и возгнездившуюся на ней цветущим лузе благочестием веры к торжеству единого Бога. В чем зрят на преследовании твоих стопов. И поздравляют с новым селищем. Кланяются тебе от лица и до земли. В горестныя твои уста целуют тебе известныя Михаил Щекотихин. Божественною любовию распаленный пламень страшных искушении // л. 4 об. угоситель буря к божественной пучины неугасна древний ковчег веры, ты столб учитель и благоговение к чадам своим. Отец всех Богом образованных тобою, Симеон Иванович. Чада твоя, во первых, Иван, Ксения. Внуки: Парасковия, Иоан, Григорий и Лука, Прасковья, зять Евдоким, внук Стефан, дочь Мавра, зять Никифор, вси сии дети, яко божественным со // л. 5 кровием сокровены. Тако и чада твоя не вредно соблюдающееся здравием, которые просят вашего родительскаго мира и благословения. Каковое бы могло быть для полезного существования душ во веки нерушима. В чем и припадаем ко стопам ног ваших и целуем ваши уста. И просим неотступно вашего благословения в купе и прощения. Дети твои

осиротевши были раскаянием после кончаемой судьбы свиданием. Не могли уже и слышать от уст пожирающего // л. 5 об. гласа. Молчанием сие между нами и вами производилось по 24 марта, и мы были весьма в великом раскаянии. Но потом печаль приложилось к радости. И мы неверястно узрели птичку, взвившуюся от бездн краев, которая орошена была чады твоими источники слез. Ближнии и дальни тебе искреники приходили и удивлялись твоей ниве собрати полезныя плоды, возро // л. 6 стенья в добром корыстии. Дети твои зря на каждый твой почирк горесно рыдали. С приветствием Господе драгии бисер похищен. Господи наставник нам сокрыся. Не поругана ли всегда бывает от всемилостивых Господе сокровен будиши зноя и глада своего. Денег посылаем тебе три руб. сер.

За сим просители чада твои тебе твоего благословения и прошения. Помолитесь об нас Господу Богу. Сын твой Лука обдержим тресавичною болезнию. Прошу помолитесь угодником Божиим о изгнании, в чем и подписались дети твои // л. 6 об. По получении первого письма вашего 24 марта, а 28-го послали 3 руб. сер. на Петра молодых Василии и Лука Щекотихины.

Товарищи доставлены к царю Симеон Димьяныч и Егор Козин в Смоленске. Антон Образцов в Змайлове, Никола Козин в путях. Путь его на Палондонский острова означен. Иван Вавильич в Красноярской губернии в городе Канинске.

Оригинал. ЛАИ УрФУ. XII.106p/1929

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В «Примечаниях» к 4 т. ПСС Достоевского, подготовленных Б.В. Федоренко и И. Д. Якубовичем, допущена ошибка: вместо «Воронин», напечатано «Воронов», см.: [9. С. 282].

ЛИТЕРАТУРА

1. White J.M. A Bridge to the Schism. Edinoverie, Russian Orthodoxy, and the Ritual Formation of Confessions, 1800–1918, PhD Thesis, Firenze, 2014.
2. Палкин А.С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2016.
3. Стародубье. Записки протоиерея с.-петербургской Никольской единоверческой церкви Т.А. Верховского, высочайше командированного в 1845–1848 г. государем Императором Николаем Павловичем для устройства единоверия в черниговских старообрядческих посадах. Часть первая. 1845 г. Казань, 1874. С. 4–5.
4. Верховский, Тимофей Александрович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. 4. С. 84.
5. Письмо. Рукопись // Лаборатория археографических исследований Уральского федерального университета. XII.106p/1929.
6. Словцов И.Я. Историческая хроника Омска // Материалы по истории и статистике Омска. Омск, 1880. С. 41–45.
7. Семевский В.И. М.В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. М., 1922.
8. Егоров Б.Ф. Петрашевцы. Л. : Наука, 1988.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л. : Наука, 1972. Т. 4. С. 33.
10. Tokarzewski S. Siedem lat kaiorgi. Warszawa, 1907. S. 164–165.
11. Киселев Л. Канская золотая россыпь. URL: <http://www.proza.ru/2013/07/30/1560> (дата обращения: 05.06.2017).
12. Бомарзунд // Военная энциклопедия / под ред. В.Ф. Новицкого. СПб. ; М., 1911. Т. 4. С. 639–640.
13. Грачева Н. Русская память скандинавского архипелага. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/24094/323512/> (дата обращения: 05.06.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2018 г.

From the History of the Introduction of Edinoverie in Russia: A New Source about the Unification of the Starodub Old Believers with the Official Church

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 177–182.

DOI: 10.17223/15617793/441/23

Irina V. Pochinskaia, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: poirvi12@gmail.com

Keywords: Russia; Old Believers; edinoverie; Starodub; Dostoevsky.

The article is devoted to an episode connected with the implementation of a church-state project aimed at the gradual elimination of the Old Belief by means of creation of the so-called Edinoverie. The article introduces a new document about the conversion of Russian Old Believers to Edinoverie in the first half of the 19th century. The article describes events in the Old Believers' settlement Dobrianka (Chernigov Gubernia). The document is stored in the depository of the Laboratory for Studies in Archaeography (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia). It adds and specifies the known information, particularly, corrects data from the memoirs of Timofey Verkhovsky, a missionary who attempted to convert Starodubie settlements to Edinoverie. Verkhovsky claimed that Dobrianka Old Believers converted to Edinoverie massively and voluntary, but the document under study draws a new picture of those events. The document contains information about seven inhabitants of Dobrianka who refused to convert to Edinoverie. They were sentenced to hard labor and exile to different distant parts of the Russian Empire. The document is a copy of a letter written by relatives to one of these seven people, Simeon Ivanovich Shchekotikhin, who served his sentence in the Omsk prison. The copy was written in a six-page folio (the quarto size). The paper does not contain any watermarks, but can be dated to the 1850s–60s. The text was written with black ink, semi-uncial script, by one scribe. The letter was found by the expedition of the Laboratory for Studies in Archaeography of the Ural State University in a Siberian village, where Shchekotikhin used to live after the term of his hard labor expired. The author of the article found that there were two sentenced persons from Dobrianka (Shchekotikhin and Voronin) in Omsk, and Fyodor Dostoevsky was in the same prison at the same time. One of these Old Believers (or both of them) became the prototype of the character of the Old Believer old man in Dostoevsky's novel *The House of the Dead*. The letter informs about places of imprisonment of five more sentenced Old Believers. One of them, the author of the article assumes, was exiled to the Åland Islands. The letter is one of the sources on the everyday life history which can be used for the reconstruction of the holistic picture of the

epoch. It is also very interesting because few letters written by ordinary people were preserved till today. The full text of the letter with all grammatical peculiarities is published as an appendix to the article.

REFERENCES

1. White, J.M. (2014) *A Bridge to the Schism. Edinoverie, Russian Orthodoxy, and the Ritual Formation of Confessions, 1800–1918*. PhD Thesis. Firenze.
2. Palkin, A.S. (2016) *Edinoverie v seredine XVIII – nachale XX v.: obshcherossiyskiy kontekst i regional'naya spetsifika* [Edinoverie in the middle of the 18th – beginning of the 20th centuries: all-Russian context and regional specificity]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
3. Verkhovskiy, T.A. (1874) *Starodub'e. Zapiski protoiereya s.-peterburgskoy Nikol'skoy edinovercheskoy tserkvi T.A. Verkhovskogo, vysochayshe komandirovannago v 1845–1848 g. gosudarem Imperatorom Nikolaem Pavlovichem dlya ustroystva edinoveriya v chernigovskikh starobryadcheskikh posadakh* [Starodubie. Notes of T.A. Verkhovskiy, the Archpriest of St. Petersburg Nikolskaya Edinoverie Church in St. Petersburg, sent by Emperor Nicholas I for the establishment of edinoverie in the Chernihiv Old Believers posad in 1845–1848]. Pt. 1. Kazan: Universitetskaya tipografiya. pp. 4–5.
4. Arsen'ev, K.K. & Petrushevskiy, F.F. (eds) (1892) Verkhovskiy, Timofey Aleksandrovich. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 4. St. Petersburg: Tipo-Litografiya I. A. Efrona.
5. Laboratory for Studies in Archaeography of the Ural Federal University. XII.106r/1929. *Pis'mo. Rukopis'* [A letter. Manuscript].
6. Slovtsov, I.Ya. (1880) *Materialy po istorii i statistike Omska* [Materials on the history and statistics of Omsk]. Omsk: tip. Akmolin. obl. pravl. pp. 41–45.
7. Semevskiy, V.I. (1922) *M.V. Butashevich-Petrashvskiy i petrashevtsy* [M.V. Butashevich-Petrashvsky and the Petrashevtsy]. Moscow: Zadruga.
8. Egorov, B.F. (1988) *Petrashvtsy* [The Petrashevtsy]. Leningrad: Nauka.
9. Dostoevskiy, F.M. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.
10. Tokarzewski, S. (1907) *Siedem lat kaiorgi*. Warszawa: [s.n.]. pp. 164–165.
11. Kiselev, L. (2013) *Kanskaya zolotaya rossyp'* [Kansk gold placer]. [Online]. Available from: <http://www.proza.ru/2013/07/30/1560>. (Accessed: 05.06.2017).
12. Novitskiy, V.F. (ed.) (1911) Bomarsund. In: Novitskiy, V.F. et al. (eds) *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Vol. 4. St. Petersburg: T-vo I.D. Sytina.
13. Gracheva, N. (2008) *Russkaya pamyat' skandinavskogo arhipelaga* [Russian memory of the Scandinavian archipelago]. [Online]. Available from: <http://www.ural.kp.ru/daily/24094/323512/>. (Accessed: 05.06.2017).

Received: 26 March 2018